

КНИЖКИ ОФОРМЛЯЕМЫ — ОСТАЕТСЯ ИЗДАТЬ!

Кн. обозрение. — 1997. — 4 февр. — с. 5

В.Л. Пушкин

Опасный
сосед

«Художник, — говорил Генрих Гейне, — это то дитя, о котором сказка рассказывает, что у него всякая слеза превращается в алмаз. Злая мачеха-жизнь немилосердно бьет это дитя для того, чтобы оно выплакало как можно больше алмазов». Спрогнозированные на нынешнюю нашу жизнь, слова эти продолжают оставаться верными. Особенно, если речь идет о молодых художниках. О них наша речь. Мы попросили двух молодых московских книжных графиков — Леонида КУДРЯШОВА и Наталью РЯБОВУ — сказать несколько слов о себе и представить свои готовые иллюстрации к двум классическим книгам — в надежде, что вдруг найдется на необъятных просторах России издатель, который захочет выпустить эти книжки.

В конце концов, надежда умирает последней.
Как и мечта.

ЛЕОНИД КУДРЯШОВ: — Искусством графики увлекаюсь с давних пор. Можно сказать, вырос на произведениях крупнейших художников-иллюстраторов — книгах Фаворского, Бердслея, Шмаринова, Конашевича, Тишкова... Часто поражался, казалось, недосягаемому мастерству Пикассо-иллюстратора, по-хорошему завидовал изящному и проникновенному Дали, восхищался скупыми, но чрезвычайно выразительными рисунками Маяковского. Иллюстратор, по моему убеждению, не должен слепо копировать то, что является «подоплекой» авторского замысла, а должен смело интерпретировать образы, создаваемые его и авторской фантазией. Призвание иллюстратора — идти «дальше», чем может позволить себе в творчестве автор, создавая «среди обитания» героям книг. Конечно, все эти факторы налагают некоторого рода бремя на художника (необходимость иметь «фоновые» знания, хорошо разбираться в истории, политике и т.д.), но «бремя это — благо, и легко есть».

Таково было это «бремя» для меня — при иллюстрировании «Опасного соседа» дяди Александра Сергеевича Пушкина — Василия Львовича — легко захватывающее, как и сама книга. Сатирическое произведение (а местами и ироническое с элементами буффонады и легкой эротики), оно описывает приключения в «веселом доме» одного великосветского шалопая. Я старался добиться той непринужденности в работе и той легкости в техническом исполнении, которая характеризует эту маленькую по объему, но не эстетическому наполнению книгу.

Поэму Василий Львович писал, несомненно, с себя — стоит вспомнить, каким жуиrom и бесшабашным прожигателем жизни он был сам! С каким неподдельным восторгом вернулся поэт-«шалопай» из Парижа, сколько новостей и впечатлений привез из тогдашней столицы Европы! А вспомните его «арзамасские» выходы, сопроводительное путешествие в Царскоесельский лицей вместе с племянником в том же 1811 году, когда был написан «Опасный сосед»! Русская литература зиждется и на таких самоотверженных подвижниках, среди угара веселой пирушки иногда нечаянно сочиняющих гениальные вещи. Не случайно, что сатира и гениальный полет мысли у Катулла, Горация, Сервантеса, Тассо, Гольдони, Княжнина и Капниста да и многих других «нечаянных гениев» зиждется вот на таком якобы несерьезном, якобы «раздолбайском» отношении к жизни...

В моих планах — сатирико-философская графика: хочется проиллюстрировать рассказы Кафки и Ионеско, эссе Акутагавы «В стране водяных», «Царя Эдипа» Софокла...

НАТАЛЬЯ РЯБОВА: — Я родилась в Питере. В Ленинграде то есть. Меня сразу увезли в Москву, но тяга к «исторической родине» осталась: как только достигла «сознательного возраста» — зачастила туда и с друзьями, и к друзьям. Одно время каждые выходные проводила на берегах Невы. Помните, тогда еще льготный сидячий стоил 4 рубля... И питерцев люблю: Достоевского и Блока... и Гребенщикова — под его песни интересные картины рисуюсь. А художественного образования у меня нет, да если разобраться, никакого нет. Заканчивала я Полиграфический техникум, должна была стать техническим редактором книг и журналов, но диплом защищать не стала, чтобы не распределяли меня как молодого специалиста в издательство, находившееся в здании бывшей женской тюрьмы. Я этот дом увидела — у меня сердце

упало (я тогда еще про тюрьму и не знала). «Помру, — думаю, — здесь». Так и не работала по специальности. Работаю там, где нравится, где коллектив приятный, занимаюсь, чем хочется. Последнее увлечение — Интернет. Там огромный простор для общения и творчества. Можно, например, завести собственную виртуальную галерею или литературный салон, с разными интересными или нужными людьми познакомиться, да и просто, не отходя от компьютера, побывать в Лувре или Библиотеке Конгресса США.

Рисование — это, видимо, моя наследственная болезнь. Прадед был гончаром, дядя — художник-керамик. Кто не писал стихи в юности? Да и прозу, неверное, многие пытались изображать. Я тоже иногда что-нибудь да выдаю, но каждый раз к картинкам возвращаюсь — и убеждаюсь, что это у меня получается лучше всего. Класе в пятом, когда нашего заболевшего учителя истории нечем было заменить, к нам присылали старшеклассницу, которая должна была имитировать уроки. Ни ей, ни нам это, конечно же, было неинтересно, поэтому она рассказывала нам «страшные истории». Когда запас страшилки был исчерпан, мы услышали необычный рассказ о гарпиях, покойнике и откушенном носе. После урока наша Шехерезада смеясь сообщила зашедшей за ней подруге: «Представляешь, я им из «Золотого осла» кусочек пересказала — больше ничего в голову не пришло!». В школьной библиотеке, конечно же, Апулея не было, но я как ребенок читающий была записана еще в четыре книгохранилища. Вот вы как в детстве узнавали, какие книги вам хотелось бы прочесть? Я — из сноска и примечаний, из послесловий и вступительных статей. Так и до Овидия добралась. На самом деле, все, что вижу, слышу, о чем читаю, что со мной происходит, — все воспринимается как сюжет для картины. А «Метаморфозы» — это же неисчерпаемый источник сюжетов! Повествование движется непрерывно, один эпизод вытекает из другого, трагедия на трагедии, злодеяние на злодеянии... В какой-то момент наступает «перегрузка», невозможно уже переживать за каждого, начинаешь абстрагироваться и оценивать проступок и наказание. Вот, например, за скармливание собственного отпрыска родному мужу дама превращается в ласточку, а за подобную же кулинарную фантазию, преподнесенную Громовержцу, негодяй обращается в злобного волка. И так везде. То есть, оскорбить «власти» гораздо опаснее, чем сограждан. Но здесь уже начинается социум, политика, не люблю я этого. Лучше уж детские волшебные сказки иллюстрировать с принцессами и драконами — это моя слабость.

Лакомый кусочек для иллюстрирования — «Иосиф и его братья» Томаса Манна. С детства хочется нарисовать картинку к «Гамлету», затем еще — толкиновская эпопея «Властелин колец». Вообще, привлекает всяческий эпос, мифология. С удовольствием поработала бы с историческим материалом, чтобы проиллюстрировать «Гильгамеша и Энкиду», например, или немецкую «Кудруну». Очень люблю, когда мои друзья пишут что-то, что можно изобразить и подарить им. Мечтаю об азбуке, но не такой, где просто буквы, а с текстами, чтобы каждой букве соответствовал рассказ, названием которого являлось бы слово, начинающееся с этой буквы. Пока не видела подобной книги, наверное, придется написать самой.

Материал подготовлен
Федором ШУРЫГИНЫМ.

Наталья Рябова. Иллюстрации
к поэме Овидия «Метаморфозы».

Книжка о
друзьях

4.02.97

Леонид Кудряшов. Иллюстрации
к поэме В.Л.Пушкина «Опасный сосед».